

УДК 130.2:316.422

Арутюнян Вадим Владимирович

ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЕ

В статье рассматривается влияние модернизации на изменение моделей человеческого существования. Обращается внимание на исследовании причин и факторов модернизации как качественной социально-исторической трансформации.

Ключевые слова: социальное действие, модернизация, эволюция, парадигма, анализ, исследование.

Arutyunyan Vadim V.

THEORY OF SOCIAL ACTION IN THE MODERNIZATION PARADIGM EVOLUTION OF MODELS OF SOCIAL CHANGE IN THE MODERNIZATION PARADIGM

The article examines the impact of modernization on the changing patterns of human existence. The author's attention is focused on the study of the causes and factors in both qualitative modernization of socio-historical transformation.

Key words: social action, modernization, evolution, paradigm, analysis, research.

Вопрос о том, как и почему меняется общество, уже длительное время вызывает бурную реакцию, и в споре о нем консенсус пока еще не достигнут. Проблематика социальной динамики весьма значима, так как являет собой изменение характера и содержания отношений между людьми – участниками общественных отношений и взаимодействия. Понятие «социальное изменение» весьма многогранно. Оно способно передать сущность трансформаций социальных структур, а также состояние транзисии социальных практик. Его потенциала достаточно, чтобы объяснить возникновение новых или обеспечение функционирования прежних групп, форм взаимодействия и поведения.

История доказала, что ни один из уровней социальной среды не остается неизменным. Многочисленные изменения происходят на самых разных ее уровнях: могут изменяться экосистемы, демографическая структура, экономика, политические институты. Эти изменения происходят с разной скоростью и направленностью, но с определенной ритмичностью и систематически.

Совокупность факторов, вызывающих преобразования и способствующих динамике социальных процессов, достаточно широка. Она охватывает как структурные, среди которых – интересы и ценности социальных групп, так и нормативные (системы норм и обычаев). В целом причины, вызывающие перемены, иерархичны, их трудно выявлять и реконструировать. Кроме того, между ними могут возникать весьма причудливая зависимость, трудно объяснимая, на первый взгляд, и даже не определяемая по результату. Конфигурация социальных изменений тоже весьма причудлива.

Согласимся с О. Э. Бессоновой, что «общественная эволюция – это поступательный процесс, в рамках которого цивилизационные матрицы переходят с одного уровня развития на другой. На каждом следующем уровне решаются проблемы предыдущего этапа, но при этом возникают новые проблемы как составная часть усовершенствованных форм развития» [1].

Итак, в силу многозначности и многовекторности социального изменения, его изучение возможно только в рамках интегративной парадигмы. Только в условиях различных теоретико-методологических проекций возможно выявить и определить характер и направленность изменений. Одной из наиболее оптимальных проекций следует признать модернизационную парадигму. Анализ изменений на ее основе дает возможность раскрыть реальные процессы развития, показать динамику и направленность этих процессов. Эта парадигма – одна из наиболее зрелых, оформленных, так как прошла наиболее длительный путь совершенствования, испытав влияние эволюционизма и функционализма. Модернизационная теория являет собой пример эффективного развития в постоянном взаимодействии с реальностью, которая вносила коррективы в ее содержание.

Как настаивает В. Г. Федотова, «эпоха модернити (современности) – не следствие проекта. Развитие капитализма стало одной из инноваций, которая может рассматриваться как слом прежних тенденций развития традиционных обществ в точках бифуркации и переход социальных систем на новый уровень» [3].

Школа модернизационных исследований развивалась на протяжении полувека, преодолев несколько этапов, каждому из которых были свойственны свои достижения, взлеты и падения. Начиная со второй половины 1950-х годов, школы модернизации быстро развивалась вплоть до середи-

ны 1960-х. Затем с конца 1960-х и на протяжении 1970-х гг. это направление пережило период очень жесткой критики, когда казалось, что модернизационная перспектива стерта и не может существовать из-за своей отсталости, уступив миросистемному анализу И. Валлерстайна (вторая половина 1970-х гг.) и неомарксизму.

Но оказалось, что все это временные трудности, которые пошли на пользу данной парадигме, и с началом 1980-х годов, научный мир наблюдал возрождение модернизационных исследований. Это был период, когда оформились новые тенденции, вошедшие в историю науки под названием «новых модернизационных штудий». Именно тогда появились такие теории, как конвергенции, зависимости и миросистемного анализа. На конец 1980-х и на все 90-е годы пришелся этап становления неомодернизационных и постмодернизационных теорий. Причиной тому стали социальные трансформации на постсоветском пространстве. Это, пожалуй, наиболее благоприятный период, в рамках которого было разработано множество теоретико-методологических и дисциплинарных подходов.

Как отмечает Е. А. Сергодеева, «одной из первых общепринятых характеристик современного общества было его обозначение в качестве рационального. Процесс рационализации, сопровождающий становление индустриального западноевропейского общества, описан в классической социальной теории еще М. Вебером. В данной парадигме рационализация рассматривается как вытеснение целерациональным действием всех остальных видов рационального действия. При таком подходе модерн предстает в качестве «посттрадиционного» социального порядка, отличительными особенностями которого становятся рациональность, инновации и прогресс» [2]. Это свидетельствует о тесной взаимосвязи модернизационной парадигмы с теорией социального действия.

Наибольшую известность эта теория получила благодаря работам Э. Гидденса. Этот ученый предпринял попытку совместить структуралистский и деятельностный подходы. Но Гидденс не остался одиноким представителем теории действия, его поддержали Уолтер Бакли со своей концепцией морфогенеза, а также А. Этциони, разработавший теорию «активного общества». Затем появились А. Турен с теорией «самопроизводящегося общества», Т. Бернс и группа из Уппсалы с теорией систем правил, П. Штомпка с теорией социального становления.

Именно П. Штомпка высказал мнение об онтологических характеристиках общества. Он представил общество в состоянии непреходящей транзисии, таким образом, подчеркнув перманентность изменений. По мнению П. Штомпки, эти общественные изменения носят эндогенный характер, что могло бы означать только одно – все социальные изменения есть ничто иное как самотрансформации. Кроме того, Штомпка отдал роль вечных двигателей социальных трансформаций индивидам и социальным коллективам, не выделив ни кого из них, считая, что только действующий субъект может двигать общество. Направление, цели и темпы изменений, в соответствии с аргументами Штомпки есть результирующая конкуренции между различными акторами. А так как каждый из них занимает свою нишу или претендует на нишу другого, то конфликтов и противоборства не избежать в процессе социальных изменений. Также Штомпка заявлял, что любое действие всегда осуществляется в контексте определенных структур и оно обязательно влияет на эти структуры, вызывая их трансформацию. В целом же, взаимодействие между деятельностью, т. е. актором и структурами, происходит благодаря смене фаз творчества деятелей и структурной детерминации.

Общество, пережившее модерни и достигшее в своем развитии так называемой «Третьей современности, где инновация преобладает над традицией, имеется светское объяснение оправдание жизни, появляется автономный индивид, затем индустриальное производство, целерациональность и т. д.» [4], решения лидеров уже не могут опираться исключительно на принуждение.

Линейная модель была самой первой теоретико-методологической конструкцией для изучения модернизации. Она появилась благодаря тому, что ряд положений, как эволюционистского, так и структурно-функционалистского толка были восприняты в качестве теоретико-методологических предположений. Их в свое время разделяли те, кто стоял у истоков линейной модели, а именно, У. Ростоу, Ш. Эйзенштадт, А. Органский, М. Леви, Н. Смелзер, и др. Структурно-функциональная дифференциация меняла многое. Под ее воздействием прошла институционализация многих институтов. Причем все изменения протекали по принципу имманентного встраивания в социальную систему, независимо от того, какие это были изменения. Интегрирование всех факторов и атрибутов в связанное целое происходило благодаря тому, что проявление каждого из них было своеобразным импульсом, под воздействием которого и шла реакция, иными словами, как только изменения вносятся в одну из сфер деятельности, это неизбежно вызывает адекватные реакции в других сферах.

Конечно же, нет сомнений в том, что модернизация – глобальный процесс, так как она способна в прямом смысле менять мир. Положение о том, что модернизация вызывает изменения практически во всех областях человеческой мысли и поведения, вполне адекватно. Модернизация – процесс, в рамках которого происходили радикальные и всеобъемлющие трансформации моделей человеческого существования. У нее революционный характер, ей присущи комплексность и многомерность. Она обеспечена как посредством распространения современных идей, институтов и технологий из европейского центра по всему миру, так и эндогенным развитием неевропейских сообществ.

Любое общество обязательно проходит в своем развитии этап традиционности и то, что некоторые из них или дольше других остаются на этой стадии или позже других приходят к этому состоянию, обусловило последовательность или некую ось вдоль которой расположились разное удаленные от стадии модернизации уже трансформирующиеся или еще пребывающие в стадии традиционализма сообщества. т. е., выстраивается некая цепочка, идущая от традиционности к современности. Особенность этой цепочки заключена в том, что все попавшие в неё движутся с разной скоростью.

Будучи протяженным процессом, модернизация не может «перепрыгивать» через отдельные стадии. Она проходит каждую из них. Блэк представил их в виде фаз, насчитав четыре и подробно описав каждую из них. По его мнению, в самой первой фазе модернизации, проявляется так называемый вызов *modernity*, т. е. в силу того, что в обществе появились те, кто усмотрел несовершенство существующего прядка и увидел в нем угрозу сохранения общности в целом, возникает конфронтация. Общество не принимает тех, кто настоятельно требует обратить внимание на возникшую угрозу и приступить к переоформлению и переустройству важнейших институтов, особенно института власти.

Затем, по разумению Блэка, сторонникам скорейших преобразований удастся консолидироваться и появляется консолидированная элита. Она модернизаторская по своим настроениям и личностным качествам. А так как есть те, кто готов отнять власть ради того, чтобы осуществить задуманное, то до открытого противостояния уже рукой подать. Поэтому в обществе неизбежна борьба, причем ожесточенная, так как одним есть, что терять, другим – получать. Хотя следует отметить, что борьба за власть может быть весьма длительной, растянувшись на несколько поколений.

Параллельно с этим процессом передачи власти идут экономическая и социальная трансформации. На этом этапе общество из аграрного, традиционного эволюционирует в урбанизированное, промышленное. А затем на следующей фазе происходит институционализация новых отношений, новых социальных институтов. Здесь в четвертой фазе трансформация продуцирует фундаментальную реорганизацию социальной структуры общества.

Линейная модель представляла модернизацию как прогрессивный процесс, в рамках которого происходит необратимая унификация. Общество неизбежно предстанет в виде конвергентных сообществ. Предстояло лишь убедиться в корректности подобранных стандартных критериев модернизации. Чтобы не допустить ошибки, их надо было разрабатывать на основе сопоставления идеал-типических образов традиционности и современности. Например, Эйзенштадт, акцентируя внимание на социо-демографических аспектах, для их осмысления в качестве методологического инструмента выбрал понятие «социальной мобилизации».

В трактовке К. Дэйча это понятие передавало сущность «процесса, в ходе которого основные кластеры старых социальных, экономических и психологических обязательств подвергаются эрозии и разрушению, и появляются новые модели социализации и поведения» [5]. Эйзенштадт предложил закрепить за социально-структурными сдвигами «высокую дифференциацию и специализацию применительно к деятельности индивида и институциональным структурам», «разделение между различными ролями, выполняемыми индивидами, – особенно между профессиональными и политическими ролями, а также между перечисленными и ролями в области семейных и родственных отношений» [6].

Несомненно, что Ш. Эйзенштадт отдавал отчет в том, насколько сложен механизм так называемого рекрутирования на различные роли. Подобная сложность была продиктована тем, что получение новой роли и закрепление в ней могло быть следствием механической прописки (аскрипции), все намного сложнее, так как новая роль может быть получена исключительно посредством механизмов достижения.

Несомненно, что осмысление процессов модернизации в каждой из общественных сфер сопровождалось трудностями и требовало своеобразного, адекватного происходящим процессам подхода. Например, анализируя процессы модернизации в экономической сфере, Ш. Эйзенштадт предлагал исходить из того, что здесь, в первую очередь, надо отследить технологический рост. Такое пристальное внимание именно к технологиям объяснялось тем, что внедрение новых технологий

стимулировалось постоянным обновлением научных знаний. Так как разработка новых научных знаний в это время является прерогативой деятельности специализированных научных учреждений, то наблюдается специфическое сращивание производственных и научных подразделений общественного производства – НИОКР, что повлекло за собой развитие самых различных опосредованно связанных с непосредственным производственным процессом структур. Таким образом, все происходящее вполне уместно представить как оформление целой системы – индустриальной. Она могла существовать только за счет внедрения высоких технологий и углубления специализации в каждом из экономических секторов. Следует заметить, что такие изменения в самом производстве не могли не сказаться на рынке в целом. Конечно же, в масштабах всего рынка наблюдается рост – становится масштабнее рынок товаров, рабочей силы и финансов.

Состоявшиеся изменения, равно как и только обозначившиеся, в сфере экономической, тут же проявились в политической сфере. Как не вспомнить Сократа с его пониманием общества в идее каменного свода, в котором движение любого из элементов вызывает подвижки и смещение во всем своде. Эйзенштадт подметил, что политическая сфера начинает меняться параллельно изменениям в экономической. Он акцентировал внимание на том, что политическая модернизация охватывает значительную территорию. Все присутствующие политические институты тут же начинают выявлять стремление к своеобразной экспансии, торопясь закрепиться именно в этих масштабах, понимая насколько опасно промедление: проще без дополнительных факторов сопротивления в виде конкуренции других политических сил, бороться с протестами населения. Включение в консенсусный моральный порядок и смена традиционных моделей легитимации верховной власти требуют немало сил, но их расход увеличиться, если не будет своевременного закрепления на территории.

Параллельные процессы в сфере культуры равнозначно могут, как способствовать закреплению результатов модернизации, так и сдерживать и даже разрушать таковые. Все культурные и ценностные системы проходят через этап деформации, транзycji и дифференциации своих основных элементов. Причем эта трансформация охватывает, не оставляет неизменными ни религию, ни философию, ни науку в целом. В таком состоянии духовного и методологического «движения» крайне сложно адаптироваться к происходящим переменам.

В этой сфере в рамках модернизации сильнее всего ощущается страх и неуверенность человека в себя и в будущем. Потому как именно трансформации в этой сфере подвергают испытанию и разрушают частично идентичность человека, заставляя выстраивать новые ее черты. Но по мере того, как модернизируются средства коммуникации, влияющие на массовое сознание и совершенствующие его дифференциацию, становится возможным установить и закрепить новую культурологическую парадигму.

В целом модернизация в сфере культуры являет наиболее существенные и значимые результаты. Именно здесь формируется «новый» человек, который сориентирован на естественное выражение своих возможностей и чувств. Но в то же время, осознав свой индивидуализм как особую ценность, человек вбирает иное измерение не только времени, но и в целом своего существования. Теперь, благодаря расширению сфер интересов, растущей вере в науку и технологию, осознанию ценности карьеры и мобильности человек меняет свое отношение к настоящему. Появление новых индивидуальных ориентаций, привычек, характеристик, закрепляет новые ментальные установки, тем самым превращая их в залог прогресса и успеха не только индивида, но и общества в целом.

Литература

1. Бессонова О. Э. Общая теория институциональных трансформаций как новая картина мира // *Общественные науки и современность*. 2006. № 2. С. 133.
2. Сергодеева Е. А. Подозрение как феномен современной культуры // *Философские науки*. 2013. № 6. С. 41.
3. Федотова В. Г. Социальные инновации: макро- и микротенденции // *Вопросы философии*. 2010. № 10. С. 6.
4. Федотова В. Г. Социальные инновации как основа процесса модернизации общества // *Вопросы философии*. 2010. № 10. С. 4.
5. Deutsch K. W. *Social Mobilization and Political Development* // *Political Development and Social Change*. P. 205.
6. Eisenstadt S. N. *Modernization: Protest and Change*. New York, 1966. P. 2–5.